

Лицо Чжоу Лояня мгновенно опухло. Он замер на секунду, языком потрогал корень зуба и, склонив голову набок, усмехнулся:

— Брат, но ведь только я имею право тебя иметь! Кто, черт возьми, посмеет к тебе прикоснуться — я не ручаюсь, что они останутся в живых!

Мужчина явно улыбался, но от этой улыбки веяло могильным холодом.

Ань Мо охватило крайнее раздражение, смешанное с горьким разочарованием. Он развернулся, собираясь уйти, но Чжоу Лоянь крепко схватил его за запястье:

— Куда ты собрался?

Ань Мо даже не взглянул на него, продолжая упорно идти вперед. В душе Чжоу Лояня разгорался яростный пожар. Он подхватил Ань Мо поперек пояса, закинул на плечо и зашагал к парковке, не скупясь на ядовитые слова:

— Брат, неужели так сильно хочется кому-то отдаться? Кого ты ищешь? Того мальчишку-студента, у которого еще пух на щеках не вырос? У него хоть хватит сил выдержать тебя, как меня? Не переживай, уверяю тебя, никто из тех, кого ты встретишь, не сравнится со мной. А если хочешь — я позову того омегу, и мы докажем, что я могу быть еще лучше.

— Ссс... — Чжоу Лоянь внезапно остановился. Он почувствовал тепло в области шеи и слегка нахмурился.

Ань Мо впился зубами в его кожу. Густая кровь потекла по венам, окрашивая бежевый свитер мужчины. Однако уже через мгновение Чжоу Лоянь усмехнулся:

— Брат, сегодня ты полон сил.

Ань Мо поднял взгляд. Уголки его глаз покраснели, он больше не сопротивлялся.

Лишь когда Чжоу Лоянь усадил его в машину, он заметил, насколько бледным, почти прозрачным стало лицо Ань Мо, и какой мертвой пустотой светились его глаза. Сердце мужчины болезненно сжалось. Он протянул руку, чтобы коснуться его лица, но Ань Мо с резким хлопком отбил ее.

Ань Мо чувствовал, как каждое слово Чжоу Лояня кромсает его душу, словно нож, доводя боль до состояния оцепенения. Спустя долгое время он посмотрел на Чжоу Лояня, пытаясь сдержать эмоции, и его голос дрогнул:

— Чжоу Лоянь, пожалуйста... оставь мне хоть немного достоинства.

В тот же миг ярость альфы испарилась, сменившись странным беспокойством. Ань Мо редко сопротивлялся ему или просил о чем-то мягко, и подобные слова для него уже были пределом терпения. Чжоу Лоянь внезапно растерялся. Когда он терял голову, из его уст вылетали самые

мерзкие и ядовитые фразы, а когда пытался задобрить — сыпал сладкими речами, словно они ничего не стоили.

Он долго молчал, глядя в окончательно потухшие глаза Ань Мо, и почувствовал страх:

— Брат, я... я просто услышал, как ты назвал его мальчишкой. Ты раньше всегда так называл меня, а теперь называешь других, но не меня.

Ань Мо молчал, не отвечая. Гнев альфы утих, и на смену ему пришла паника. Чего именно он боялся — того, что Ань Мо действительно сбежит или сойдет с ума от его давления, или того, что причиняет ему боль, — он не задумывался. Он просто взял руку Ань Мо и приложил к своей опухшей щеке. Его голос стал мягче:

— Брат, я и есть твой мальчишка. Я младше тебя на несколько лет, я тоже подхожу под это определение.

Ань Мо высвободил руку и молча отвернулся, глядя в окно на ночной пейзаж, напоминающий дикого зверя. Трудно было описать, что творилось у него на душе. Разочарование — не впервые, боль — уже привычна. Возможно, это была мучительная привязанность, от которой невозможно избавиться. Они оба ждали того момента, когда устанут настолько, что разойдутся навсегда, чтобы каждый смог обрести покой.

Человек, который всем сердцем, до глубины души старается что-то сделать или кого-то любить, неизбежно меняется до неузнаваемости, становится нерешительным и испытывает лишь боль. Наверное, только когда эта навязчивая идея окончательно угаснет, можно будет по-настоящему отпустить самого себя.

Ань Мо подумал: Чжоу Лоянь, мой мальчишка, я продолжаю копить разочарования. Пожалуйста, не останавливайся, продолжай разочаровывать меня.

В тот вечер Чжоу Лоянь проявил удивительное терпение и выдержку. Он не бесновался, а когда Ань Мо оттолкнул его, покорно ушел спать в гостевую комнату. А позже, опасаясь, что Ань Мо все еще злится, перебрался на диван, нарочно выставляя себя жалким, чтобы вызвать жалость.

Глубокой ночью Ань Мо вышел на кухню попить воды. Только он поднял стакан, как чья-то рука накрыла его ладонь. Кто-то обнял его со спины, утыкаясь подбородком в плечо, и прошептал мягким, хриплым голосом:

— Брат, щека так болит. И шея тоже болит.

<http://bllate.org/book/21440/2191257>